

Рука Ло Сююаня, державшая ручку, слегка замерла, и кончик ручки намок от чернил.

«Ты сказал, Мин Хуань хочет сопровождать Сю Ци на передовой?»

«Ваше высочество». Чан Мао выглядел беспомощным. «Вам следует обратить внимание на главный момент. Его величество подарил главе семьи Шэнь БМВ, тысячу талей золотом и десять ящиков драгоценностей. Теперь он очень гордится, так что вам нечего беспокоиться».

Естественно, это была та милость, о которой Ло Сюци просил от имени Шэнь Минхуаня. Если бы Шэнь Минхуань не отказался, он всё равно получил бы официальную должность.

Ло Сююань хмыкнул, нахмурился и сказал: «Но Мин Хуань не знает боевых искусств, и я никогда не слышал, чтобы он изучал военное дело. Граница действительно слишком опасна».

Бьюсь об заклад, вы не услышали ни единого его слова.

Чан Мао защищал его: «Ваше высочество, этот шаг Шэнь Минхуаня явно направлен на получение военной власти. Возможно, в его план также вовлечён генерал Чжо Фэйчэнь. Если вы не будете держать оборону, то ладно. Как вы всё ещё можете...»

«Шэнь Минхуань не такой человек». Ло Сююань выпалил это без колебаний. Даже если бы их позиции были разными, даже если бы они с оружием в руках стояли друг против друга, он всё ещё верил в его неизменный путь справедливости.

—Вот тот принцип, который невозможно изменить, даже если мы окажемся в отчаянном положении.

Ло Сююань вздохнул, посмотрел на выражение ненависти на лице Чан Мао и объяснил в примирительном тоне: «Честная конкуренция».

На самом деле у него нет такого сильного желания власти, но слишком много глаз толкают его вперёд, и эти ожидания слишком велики, поэтому он должен сражаться и побеждать.

«Магистрат У готов сотрудничать?»

Чан Мао покачал головой: «Всё по-прежнему. Ему безразличны правые и левые и он отказывается говорить правду».

Ло Сююань задумался на мгновение. «Отправь кого-нибудь связаться с господином Лю рядом с ним».

Он сжёг бухгалтерскую книгу, и ради Шэнь Минхуаня он больше не будет смущать зачинщиков, но репутацию генерала Чжо нельзя было игнорировать. Пинъяо — единственное место, где доставляют военные припасы. У Сянь — уездный магистрат Пинъяо. Если он будет сотрудничать, расследование Ло Сююаня станет гораздо проще.

Но раз У Сянь не хотел, Ло Сююань мог действовать только обходными путями. В конце концов, он не мог применять такие методы, как пытки.

«Пусть наши во дворце будут осторожны в эти дни, поставят собственную безопасность на первое место и не спешат сообщать новости».

В последнее время император внезапно начал реорганизовывать дворец и суд, и несколько министров были отправлены в отставку. Среди них были его люди, и большинство из них были

лишь слегка к нему расположены.

Тирану не нужны доказательства, достаточно лишь подозрений, чтобы его осудить.

Королю незачем скрывать свою правду. Он безжалостно обрезал крылья Ло Сююаня на глазах у всех гражданских и военных чиновников двора. Это было и предупреждение, и приговор.

Ло Сююань выглядел растерянным.

*

Ло Сюци сменил систему Сяоцзю и стал новым источником счастья Шэнь Минхуаня.

Проведя «искреннюю и дружескую» беседу с Ло Сюци, он с чувством удовлетворения вернулся домой.

Только когда он собирался отправиться на поиски Шэнь Чанцина, то едва открыл дверь небольшого двора, как внезапно заметил, что на него несется жестокая атака.

Убийственное намерение очень слабое, но оно определённо есть.

Шэнь Минхуань холодно фыркнул, использовал кость веера как меч и повернулся к нему лицом.

Даже если в этом мире нет ауры и нет магии, в его сознании всё ещё хранится всеобъемлющая энциклопедия боевых искусств.

Как будто в мгновение ока, Шэнь Минхуань уже вступил в схватку с этим неизвестным убийцей уже на три раунда.

Это тело никогда не занималось боевыми искусствами, подвергалось очень небольшим упражнениям, и его качество не успевало. Иначе Шэнь Минхуань был уверен, что смог бы справиться с противником всего одним приемом.

Затуманенное намерение гостя на убийство стало ещё туманнее, когда кулаки и удары ног соединились, пока ни исчезло вовсе.

“Я не ожидал, что нежный и мягкий Шен Минхуан обладает такими непредсказуемыми боевыми искусствами, однако вы хранили это в секрете”.

“Кем вы меня считаете? Оказывается, вы премьер-министр”. Шен Минхуан очень хладнокровно отбросил складной веер и сказал: “Разве императорский двор не платит вам ежемесячную зарплату? Хороший премьер-министр не настолько хорош, чтобы врываться в частные дома для совершения таких подлых поступков...”

“Минхуан, не груби!”

Всё это произошло так быстро, что Шен Чанцин в комнате только что это осознал и поспешил остановить. Пока он ругал Шэнь Минхуана, он сурово посмотрел на Цюй Чжэнчэна.

Он сказал своему другу, что ему разрешается немного испытать Шен Минхуана, но не разрешил ему испытать его подобным образом!

Если бы Шен Минхуан не был настолько искусен, разве он не пострадал бы?

Хотя сложилось впечатление, что его внук никогда не обучался боевым искусствам и не должен обладать такими хорошими навыками.

Цюй Чжэнчэн сделал жест капитуляции: “Просто шутил, я был не прав”.

Шен Чанцин снова сурово взглянул на него, а затем представил Шэнь Минхуана в мягкой форме: “Минхуан, это Цюй Чжэнчэн. Я не хочу признавать это, но, похоже, это мой хороший друг”.

Система прищёлкнула языком: [Хозяин, вы подвели дедушку].

Шен Чанцин, элегантный старик, начал ранить людей словами.

[Хозяин, что с вами будет в будущем?] – удивилась система. Лицо Шен Минхуана было чрезвычайно уродливым и даже можно было бы описать его как зелёное.

Шен Минхуан пробормотал в замешательстве: “Тогда я что, не на поколение младше Ло Сююаня? Мне всё ещё называть его...” Дядей?

Лицо Шен Минхуана внезапно стало ещё более зелёным.

Сначала Шен Чанцин немного волновался, но когда он услышал это, то вздохнул с облегчением и не сдержал смеха и сказал: “Займёмся своими делами”.

Цюй Чжэнчэн ласково произнёс: “Не будем дружить. Господин Шен и я являемся наполовину учителями, так что вы и Сююань принадлежите к одному поколению”.

Шен Минхуан почувствовал, что их слова имеют смысл, поэтому его выражение тут же вернулось в норму.

“Цюй Сян получил нужный вам результат? Вам ещё нужны какие-нибудь уловки? Помните, в следующий раз переместитесь туда, где нет никого, чтобы другие не увидели и не подумали, будто взрослые издеваются над маленькими”.

Цюй Чжэнчэн рассмеялся: “Я очень сильно обиделся. Ладно, это моя вина. Я компенсирую вам. Я надеюсь, что у господина Шена достаточно денег и он сможет простить меня”.

Изначально он думал, что Шен Минхуан является тем неблагодарным человеком, который предал своих учеников. Теперь, когда недоразумение было решено, он смотрел на Шен Минхуана так, как будто он был выдающимся младшим, с баловством и терпимостью.

Шен Чанцин закатил на него глаза и сердито произнёс: “Вы сейчас верите?”

“Увидев его, я поверил”, – сказал Цюй Чжэнчэн с улыбкой, – “У меня ещё есть дела, поэтому я не буду вас беспокоить. Что ж, глава Шен, я извинюсь перед вами в следующий раз”.

Он кивнул в знак приветствия и пошёл в комнату, не дожидаясь ответа. Когда он вышел, то надел большое пальто и плотно закрыл лицо.

Затем он помахал рукой на прощание, перепрыгнул через белую стену и исчез.

Шен Минхуан странно посмотрел ему вслед.

“Не ожидал, что Цюй Чжэнчэн – человек такого рода?” – сказал Шен Чанцин с улыбкой, – “К

нему привыкли, как к актёру”.

“Очень странно”. Шен Минхуан выглядел серьёзным и добавил: “Ясно и солнечно, к чему ему носить ночную одежду?”

Шен Чанцин: “...”

*

Всем известно, что Цюй Чжэнчэн занял три первых места на императорском экзамене, и его называют литературной звездой, спустившейся на землю. Почти никто не знает, что он также обладает великолепными боевыми искусствами.

Он является образцом самосохранения в Государственном совете. Он держится на расстоянии от всех, не проявляя ни теплоты, ни неприятия, и всегда оставаясь нейтральным.

Никто не знал, что у него такие хорошие отношения со свергнувшим принцем, и он считал его своим сыном.

Мало кто знал, что Шэнь Чанцин, который держался в стороне от мирских дел после понижения в должности, на самом деле поддерживал такую близкую дружбу с Цюй Чжэнчэном.

— Даже изначальный владелец этого тела ничего об этом не знал.

— Дедушка обещал сохранить это в тайне, — обиженно пожаловался Шэнь Минхуань.

Шэнь Чанцин чувствовал вину, но все же наотрез отказался:

— Цюй Чжэнчэн понимает всю важность, не говоря уже о том, что... мне нужно обеспечить твою безопасность.

Шэнь Минхуань слегка опешил.

— Мин Хуань, не недооценивай мир. Если Цюй Чжэнчэн решит, что ты представляешь угрозу для наследного принца, он не пощадит тебя, даже если ты мой внук.

Этот двор полон тайн. С виду некоторые люди покорно подчиняются императору и своим коллегам, но тайно они могут через стену перепрыгивать в черных□□.

Шэнь Чанцин пристально посмотрел на него, но его тон был непринужденным, как будто он шутил:

— Однако мой внук не из тех, кто владеет такими способностями.

Такой острый на язык и непокорный характер не может принадлежать «Шэнь Минхуаню».

— Разве только дедушка может что-то скрывать от меня и не дать мне иметь секретов? — Шэнь Минхуань лучше всех знал, как общаться с Шэнь Чанцином. Стоило только сохранять благопристойное выражение лица и сделать жалобные глаза, и старик тут же смягчался.

— Люди всегда меняются, не говоря уже о том, что я всегда был таким. — Глаза Шэнь Минхуаня несколько не дрогнули, и он с легкой улыбкой сказал: — Раньше у меня было слишком много дел, но теперь я в долгу только перед Дунфэном, так что я, естественно, могу

оставить позади многие заботы... Но я по-прежнему Шэнь Минхуань, навсегда.

Шэнь Чанцин открыл рот и вдруг почувствовал горечь.

Он похлопал Шэнь Минхуаня по плечу:

— Сын, это семья Шэнь тянет тебя вниз.

Если бы он не был рожден в семье Шэнь, если бы не нес на себе такое тяжелое семейное бремя, то Шэнь Минхуань жил бы гораздо более размеренной и счастливой жизнью, чем сейчас.

С тремя-пятью друзьями, читая и сочиняя стихи, любуясь пейзажами весной и наблюдая за снегом зимой.

Пить вино после восхода луны и играть на цитре на закате.

Не знать, что такое печаль.

Шэнь Минхуань: «...?»

Он часто не успевал за мыслями деда.

— У тебя есть такие способности, и я спокоен. У мечи нет глаз. Когда поедешь на границу, будь осторожен.

Выражение лица Шэнь Минхуаня внезапно застыло, и он резко кивнул.

Ого, я же не сказал дедушке об этом заранее!

Система обеспокоенно спросила: [Хозяин, что мне делать? Дедушка не станет винить тебя, правда?]

[...Сяоцзю, похоже, ты очень счастлив?] — Голос Шэнь Минхуаня звучал угрожающе.

Система не рискнула говорить.

— Иначе она боится, что действительно расхохочется вслух.

Только что система еще беспокоилась, что Шэнь Минхуань упадет с лошади или его характер разрушится, но теперь она почувствовала, что, увидев эту сцену, стоило бы даже провалить миссию.

Шэнь Минхуань, и до тебя дошло!

*

В городе Яньлин есть Башня Инцзуй, и вино и деликатесы в этом заведении славятся на весь мир. Если ты не напился в Башне Инцзуй, то не можешь утверждать, что повидал мир.

Башня Инцзуй привлекает торговцев со всего мира, а также является излюбленным местом для проведения банкетов высокопоставленных лиц города Яньлин.

Говорят, что владелец этого заведения — политик и не интересуется придворными распрями,

так что высокопоставленные чиновники также выбирают это место для конфиденциальных бесед.

В конце концов, в наших семьях так много людей, и кто знает, не служанка ли та, что поливает цветы рядом, шпионка, подставленная кем-то.

В Башне Инцзуй много маленьких комнат с отличной звукоизоляцией, и каждый день там бывает сотни людей. Когда ты выходишь из кареты и идешь в толпе, это похоже на то, как дождь капает в море, так что ты чувствуешь себя в полной безопасности.

А в подвале Башни Инцзуй есть потайная комната, которая принадлежит исключительно владельцу Башни Инцзуй.

Это не какой-то спортсмен, который не имеет никакого отношения к суду, а бывший принц Ло Сююань, глубоко вовлеченный в центр силового водоворота.

"Ученик, у тебя тут такое уныние. Почему бы не выращивать цветы да травку? Глаз будет радоваться". Цюй Чжэнчэн с отвращением постучал по холодной и гладкой каменной стене.

Задумавшийся Ло Сююань очнулся и беспомощно сказал: "Мастер, это всего лишь потайная комната. Ты что и правда хочешь, чтобы я здесь жил?"

Ло Сююань тоже здесь был впервые.

Любой, кто здесь проходит, оставляет следы. Ло Сююань считает Ин Цзуйлоу одним из своих козырей. Чтобы его не раскрыли, он никогда раньше там не был.

Он усердно трудился, чтобы император думал, что это сила Ло Сюци, а Ло Сюци думал, что это собственность императора.

На самом деле этот подход ненадежен, так как его могли обнаружить двое, действуя сообща.

Но Ло Сююань знал, что они не скажут.

"Боюсь, что ты там не сможешь жить, даже если захочешь. Деревья хотят тишины, а ветру всё равно". Из коридора потайной комнаты раздался голос, в котором подавляли гнев.

Ло Сююань встал: "Дядя!"

Цюй Чжэнчэн тоже кивнул и сказал: "Генерал Гу".

"Дядя, я наконец-то вас встретил". Ло Сююань немного растерялся. "Зачем вы вернулись в столицу? Вы же самовольно покинули службу. Если отец узнает... На всякий случай стоит вернуться в военный лагерь".

Бог знает, как сильно он вспотел, получив письмо. Из-за этого происшествия он впервые воспользовался потайной комнатой в Баньин Цзуйлоу.

Тело Гу Чэнлиня было наполнено духом победы на поле боя. Он стоял там, словно обнаженный острый клинок. "Всё в порядке. Я вернулся, чтобы забрать тебя".

"Меня?" Ло Сююань поджал губы и встал напротив Гу Чэнлиня, что ещё больше подчеркнуло его тёплую и книжную ауру, из-за чего он выглядел чрезвычайно хрупким.

"Со мной всё будет в порядке. В конце концов, мы... всё ещё отец и сын". Мягко сказал он, но произнесённые им слова показались ему самому слабыми и бессильными.

Гнев Гу Чэнлиня сменился тоской, "Юаньэр, поехали со мной. Пока здесь твой дядя, тебя никто не тронет".

"Эй, дайте я скажу". Цюй Чжэнчэн прислонился к стене и наблюдал за тем, как дядя с племянником разговаривают друг с другом. Он не смог не заявить о своём присутствии: "Не, пока ещё не всё так страшно. Если ты заберёшь его сейчас, то это будет просто захватом принца в заложники. Ты правда хочешь его погубить?"

"Какая разница? Разве ты не видишь, что он уже начал устранять противников для Ло Сюци?"
Голос Гу Чэнлиня был холодным.

Если погибнет принц, сотрясется вся Даци, но если погибнет принц без святого сердца, то это будет обычным делом. Как он мог спокойно оставлять Ло Сююань в Яньлине?

<http://tl.rulate.ru/book/108792/4035389>